

А. В. Виноградов
Записки
геологоразведчика

Часть 2
Институт

12+

Александр Виноградов
Записки геологоразведчика.
Часть 2: Институт

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Виноградов А. В.

Записки геологоразведчика. Часть 2: Институт /
А. В. Виноградов — «ЛитРес: Самиздат», 2001

2 часть «Институт» охватывает годы учёбы в Свердловском горном институте с 1954 по 1959 гг. и жизнь студенчества тех лет: учёба, встречи с интересными и неоднозначными личностями, походы в горы, музыкальная жизнь в институте, поездки в колхозы. Детально очерчены ознакомительные и производственные практики – геологические, геодезическая, горнобуровая, работа проходчиком на угольной шахте и помощником бурильщика в геологоразведочных экспедициях. Описывается новый взгляд автора на геологоразведочные специальности.

© Виноградов А. В., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

1 курс (август 1954 – август 1955)	6
Учебные группы и корпуса. Предметы и преподаватели. Питание.	11
Одежда. Спиртное. Заработки на стороне	
Дядя Федя и его постояльцы	16
Фотоаппарат "Зоркий"	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А. В. Виноградов

*Записки
геологоразведчика*

Часть 2
Институт

1 курс (август 1954 – август 1955)
Поиски жилья. Поездка в колхоз. Условия
быта, работы и досуга. Возвращение.
Хозяйка и соседи по комнате. Лишай

Свердловский горный институт имел второй после Уральского политехнического института численный состав студентов – 5000 чел., но общежитий для них не было. Единственное общежитие на ул. Бажова вмещало мало студентов, и жили там, в основном, аспиранты, бесквартирные преподаватели и очень небольшое количество наиболее "продвинутых" студентов. Поступивших сразу предупреждали: ищите себе частные квартиры.

Рис. 1: Примерка формы

Основной район расселения горняков начинался от ул. Большакова и далее на юг до ул. Щорса, и Вторчермета. Сюда надо добавить ещё одно уж совсем экзотическое место, улицу Хользунова, примыкавшую к Московскому торфянику. Это был огромный район частного сектора. Многие хозяева этих домов приходили в горный институт и давали свои адреса и условия приёма студентов. Новички, которые ничего до этого не видели в городе и ничего не знали, как правило, попадали в очень далёкие от трамвайных остановок дома. Студенты постарше уже весной начинали подыскивать новое жильё на новый учебный год, поближе к институту. Я, как новичок, тоже жил сначала очень далеко, но потом нашёл место в хорошем двухэтажном доме на углу ул. Большакова и Сурикова – это один перегон на трамвае или 20 минут пешком до

первого и третьего учебных корпусов. Пожил там одну неделю – соседи были совсем незнакомые – и тут случайно встретил на улице Цепелева Валерия. Разговорились, а он жил в 100 м от меня по ул. Сурикова 9, и для студентов у тех хозяев имелось одно свободное место – пригласили меня перейти, и я с радостью перешёл. Кроме Валерия, там ещё жил Боря Жиделев и Володя Климов – оба тоже из нашей школы – мои хорошие знакомые.

Через два дня нашу группу отправили в колхоз на уборочную. Ехали поездом до ст. Ирбит, далее 40 км в открытой машине до деревни Меньшиково Еланского района. Дорога шла по правому берегу р. Ница, там же и располагалась деревня. Колхоз носил многообещающее имя с маловразумительной смысловой нагрузкой – "Заря коммунизма" – символ тех лет. В те годы колхозов было много, и большинство из них назывались: имени Ленина, "Путь Ильича", "Заветы Ильича", "Знамя Ильича", "Дорогой Ильича". При этом благосостояние колхозников и их прилежание к труду абсолютно не зависело от названия колхоза. В конце 70-х гг., когда я вплотную столкнулся с председателями колхозов Тульской области, то хорошо понял, что буквально всё зависит от личности председателя. Если он хороший хозяин, живёт интересами коллектива и не гребёт в свой карман, то дела у колхоза шли очень хорошо, причём совершенно независимо от возраста председателя, качества земель на пашнях и места расположения колхоза. В таких коллективах не было особой нужды в привлечении на уборку сторонней рабсилы – сами колхозники всё убирали. К сожалению, таких председателей было очень мало. В нашем же колхозе каждое утро бригадиры шли по подворьям и уговаривали людей выйти на работу, что не всегда удавалось.

Студентов разбили на мелкие группы по 3-4 человека и поселили в частных домах. Я и ещё трое студентов поселились у хозяйки, у которой росло трое детей, и все спали на общих нарах, где сильно донимали полчища клопов. Хозяйка готовила нам пищу. Для этого ежедневно получала по 200 гр. мяса на одного человека и 1,5 л. молока. Овощи выдавались без нормы. Свежевыпеченный деревенский хлеб не нормировался, так что студенты были всегда сытыми. Меня поразило, что ни в доме, ни во дворе не было туалета. В сенях имелась вырванная половая доска – и все "ходили" в эту щель. Сени располагались на высоте около полутора метров над землёй, поэтому свободного места под полом было очень много.

Группу студентов разделили на несколько звеньев по видам работ. Кто-то пошёл собирать овощи, а я попал в группу по уборке зерновых.

Сначала студенты парами стояли на копнителе с вилами и отбрасывали обмолоченную солому в заднюю прицепную тележку. Работа физически нетяжёлая, но требовала внимательности у партнёров, стоящих друг против друга. Главное – не задеть острыми вилами друг друга. Ещё же мешала труха, которая забивала все щели в одежде и отверстия на лице.

Работали на прицепном комбайне "Сталинец-6", который в сухую погоду таскал колёсный трактор, а в сырую только гусеничный ДТ-54. Самоходные комбайны СК-3 только начали появляться в единичных экземплярах.

Я до сих пор о сельском хозяйстве имел смутное представление, т. к. колхозов на севере Свердловской области не было.

Однажды к нам на полевой стан заехал инструктор райкома партии и дал некоторые установочные цифры. Оказывается, в СССР в те годы на один комбайн приходилось 300 га зерновых, а в Америке только 50 га. Поэтому у нас на уборку урожая уходило раз в десять больше времени, чем в Америке. А чем дольше убирают зерновые, тем больше потерь. Для многих студентов это было наглядное и неожиданное сравнение.

Вообще, уборка зерновых – это процесс интересный, с некоторыми нюансами. Когда комбайн шёл по внешним краям поля, то вся живность, которая там паслась, – зайцы, перепела – уходили вглубь несжатого массива, и их плотность там постоянно увеличивалась. Наступал момент, когда комбайн жал последнюю загонку – и все зайцы врассыпную убегали в ближайшие лесные колки.

Однажды я взял ружьё, которое привёз с собой. Стал впереди идущего навстречу комбайна и ожидал вылета перепелов. Дождался. Какой-то вылетел и пошёл в сторону комбайна, я же в горячке охоты выстрелил влёт. Не попал, но увидел, как с мостика комбайна спрыгнул комбайнёр и, размахивая кулаками, кинулся навстречу. Трактор остановился, и стало ясно, что, вместо перепела, мой заряд чуть не попал в комбайнёра. С тех пор я стал чрезвычайно внимательным к обращению с оружием.

Через пару дней я перешёл на работу на кантарку – это площадка сбоку комбайна, где тоже два человека насыпали зерно из бункера в мешки, завязывали их и на ходу забрасывали в идущую рядом автомашину. Эта работа требовала большой физической силы и выносливости. Первые дни после этого у меня сильно болели руки и поясница. Но через несколько дней привык.

Природа там была красивой. Ница – достаточно широкая река с многочисленными старицами, рыбная. Вся студенческая группа часто ходила на противоположный берег: варили там уху, кипятили чай и иногда оставались ночевать в больших соломенных зародах. Крупных лесных массивов там не было, а на краях пашни стояли лесные колки из берёзы, осины. Всё это осенью переливалось красно-жёлтым цветом. Иногда вечерами ходили в сельский клуб-избу на танцы под гармошку. Местные парни нас не трогали, да и мы их тоже не задирали.

Моста через речку не было – ходил паром на тресе. Каждый вечер на этом пароме возвращались доярки после вечерней дойки. И вот в один из таких вечеров я впервые услышал песню "Вечер тихой песнею над рекой плывёт...", доносившуюся с парома. Слова и музыка потрясли своей силой, простотой и ясностью. Я подумал, что это какая-то народная, доселе мной не слыханная песня. Всё оказалось проще. Песня была недавно написана свердловским композитором Е. Родыгиным и называлась "Уральская рябинушка". Видимо, песня была исполнена по радио и народ принял её мгновенно. Много лет она звучала на концертах и не забыта до сих пор.

Общей бани в деревне не построили, но у нашей хозяйки была во дворе своя, но "почёрному". В такой бане я никогда раньше не мылся, да и не видел до этого. Первые походы туда были не очень удачные – на теле кое-где оставалась копоть, но позднее приспособились. Через месяц такой плотной работы мои брюки от лыжного костюма начали разваливаться на глазах. Сшивать их приходилось толстой леской со спиннинговой катушки, и я тянул до последнего, так как купить другие штаны было не на что. Через некоторое время сгнил материал, и леска перестала спасать ситуацию – стали видны трусы. Я пошёл к руководителю группы с вопросом: "Что делать?" Он послал к председателю колхоза. Тот посмотрел на меня, на штаны и сказал: «Ладно, что с тобой делать! Езжай домой!» Выписал справку, что я честно отработал в колхозе. Но денег на обратный билет не дали.

Сел я в кузов машины с зерном и поехал в Ирбит на станцию. В открытой машине в начале октября ехать очень холодно. Пришлось выкопать нору среди мешков и скрываться там от ветра. Через два часа добрался до железнодорожного вокзала. Когда проводница куда-то отвернулась, прошмыгнул в общий вагон и залез на самый верх, на третью багажную полку и притих. Ночью пошёл контроль, и я быстренько слез оттуда и протиснулся под первую полку, прямо на грязный пол. Когда подошёл контроль, то заглянул вниз, но, увидев лохмотья, которые торчали оттуда, не стал меня даже поднимать, посчитав за бомжа. Так я и доехал на полу вагона до Свердловска. Вид у меня был ужасным – штаны не только рваные, но и грязные, как и весь костюм. Я протиснулся в самый уголок трамвайного вагона и доехал до дома. Сразу собрал узелок и побежал в баню. Начиналась новая, незнакомая жизнь.

Вообще, это место Свердловска, где мы жили, "при царе Горохе" было районом так называемых "красных фонарей", где после тяжёлых трудовых будней "оттягивался" ремесленный люд города. Хозяйка наша, Дарья Григорьевна, по возрасту примерно ровесница века, по словам соседей-недоброжелателей, якобы была одним из осколков этих фонарей, вдребезги раз-

битых Октябрьской революцией. Небольшой деревянный домик с удобствами во дворе имел одну комнату и кухню с запечным пространством, где стояла кровать хозяйки. Отапливался домик дровами, а за водой ходили на уличную колонку. Вокруг дома хозяйка насадила небольшой огород с овощами и садик с кустарниковой растительностью. В единственной комнате стояло четыре кровати и небольшой стол посередине.

Самым старшим в комнате был Володя Климов. Он учился на 4 курсе на маркшейдера. Им же собирался стать и Валерий Цепелев, который учился курсом старше. Кстати говоря, Еланский район, где я побывал в колхозе, – родина Валерия. Самым молодым среди нас был только что поступивший на горный факультет Боря Жиделев. Парень он был с характером и своенравный, видимо, что-то перенял от отца. Тот у него последние годы возглавлял районное управление госбезопасности в Североуральске. Иногда Боря очень скупно рассказывал детали семейного бытия: как иногда отец в гневе смахивал со стола кухни тарелки с борщом, видимо, и дома продолжая свой "нелёгкий" труд по "раскалыванию" шпионов, правых уклонистов и двурушников.

Надо сказать, что с ребятами-соседями мне крупно повезло. Никто из них не пил, не курил, не буянил. Атмосфера витала самая доброжелательная.

У Дарьи Григорьевны за зиму сменилось два "мужа", но ни первый, ни второй к студентам в комнату не заходили. К весне хозяйка привела в дом какого-то сильно румяного дедка с окладистой бородой-лопатой, которая придавала ему эдакий шарм. Как я уже позднее понял, есть категория одиноких пожилых женщин, которым скучно, и они пытаются подобрать себе пару по своему вкусу, но это очень редко удаётся. Раз есть спрос, то появляется и предложение – категория одиноких пожилых мужчин, которые также пытаются найти себе пару. Но так как у людей в таком возрасте уже сложившиеся привычки и характеры, то совместимость достигается редко и трудно. Вот и создаются как бы "пробные" пары на несколько месяцев, а потом "молодожёны" расходятся. Так и идёт постоянно этот процесс поиска пары с обеих сторон.

Через неделю после моего приезда из колхоза на левом запястье руки я заметил красное пятнышко. Ещё через три дня вокруг него появилось такое же колечко, потом ещё одно. Я пошёл к врачу в поликлинику института. Оттуда меня направили в кожно-венерологический диспансер города. Пошёл туда и пока стоял в очереди к врачу, чуть не умер от страха. На стенах висели такие страшные картинки: например, какая-то парша, когда вся голова покрыта какой-то белой пеной, или всё тело, покрытое пятнами лишая и т. д. Врач осмотрела пятно и велела очень строго лечиться, в баню ходить запретила до полного излечения и взяла адрес. У меня оказался стригущий лишай. Теперь очень важно было, чтобы случайно его споры не занести в волосы на голове. В этом случае начинался новый этап лечения на полгода с запрещением посещения института. Через небольшое время на руке появилось ещё одно пятнышко и такое же на бедре левой ноги. И я начал очень активно лечиться. Через небольшое время в дом к хозяйке приехали санитары из диспансера и пытались взять на проверку маленькую собачку и кошку хозяйки, т. к. переносчики таких лишаев, как правило, эти животные. Та запротестовала, начала меня ругать и чуть ли не выгонять из дома, но вопрос как-то уладили. Теперь возникла другая проблема – запах грязного тела. Бельё менял часто, но мыться из-за опасности переноса заразы на голову мне было совсем нельзя. Ребята всё это мужественно терпели, но я чувствовал, что и их терпение небезграничное. И тут лечение дало положительный результат: колечки я вывел, а пятно, которое появилось первым, начало уменьшаться. В общем, в баню пошёл уже в конце ноября – и напряжённая эмоциональная обстановка между мной и другими жителями комнаты разрядилась.

Учебные группы и корпуса. Предметы и преподаватели. Питание. Одежда. Спиртное. Заработки на стороне

Комплекс института включал в себя три учебных корпуса. Два из них – старые, приспособленные для занятий кирпичные здания в три этажа, которые ранее принадлежали местному монастырю. Третье – на ул. Хохрякова – пятиэтажная новостройка, где расположились геологоразведочный, нефтяной, геофизический факультеты и геологический музей. Если главный корпус, где располагался и горномеханический факультет, находился рядом с корпусом геологов, то второй учебный корпус был метрах в четыреста от первых двух. Рядом расположился стадион пионеров и школьников и Уральское геологическое управление.

Раньше эти факультеты принадлежали УПИ. Самостоятельным СГИ стал в конце 20-х гг. с ростом горной промышленности на Урале. Как рассказывали старожилы, И. В. Сталин отметил роль добровольцев из числа студентов и преподавателей, погибших на фронтах Отечественной войны тем, что дал указание полностью обеспечить учебные лаборатории необходимым новейшим оборудованием по горному делу. Это действительно было хорошо заметно. А в конце 40-х гг. присвоил институту имя В. В. Вахрушева – безвременно ушедший из жизни нарком угольной промышленности.

В самом начале первой учебной недели вдруг разнёсся слух, что якобы набирается совершенно отдельная учебная группа геологов для поиска и разведки урановых месторождений. И набирают не сверх, а уже из зачисленных на разные специальности студентов. Я не забыл мечту и пошёл в деканат узнать о том, не правда ли это. Там не сказали ни «да», ни «нет». Как стало известно позднее, и не могли ничего сказать. Дело всё в том, что кадры в эту отрасль и некоторые другие подбирали совсем другие ведомства. Однако через две недели появился список студентов и расписание занятий. Из нашей группы буровиков взяли туда трёх человек, и, кроме них, я увидел в списке и свою фамилию. Правда, буква имени там стояла другая, но ребята сказали, что это описка, и что мне надо идти на занятия в новую группу. Я и пошёл. На уроке физкультуры вызывали студентов к спортивным снарядам по одному. Когда назвали фамилию «Виноградов!», я специально сразу не отозвался. И не зря! Потому что к снаряду пошёл "здоровенный лоб" на полголовы выше меня по имени Станислав. Я понял, что описки нет, и очень тихо, на цыпочках, покинул спортзал. Пока учились, пять лет, я переглядывался в коридорах института с однофамильцем, но так и не познакомился. Хоть наша фамилия и нередкая, но больше в институте однофамильцев не было.

Учёба началась с углублённого изучения школьных предметов: высшей математики, общей химии, общей физики, английского языка взамен немецкого, который я изучал в школе. Из специальных предметов были общая геология, начертательная геометрия, теоретическая механика и основы марксизма-ленинизма (ОМЛ).

По общеобразовательным дисциплинам занятия шли вместе с группами геологов в больших аудиториях более чем по 100 человек.

Математика же преподавалась отдельно и единичным группам. Конечно, когда на занятиях присутствовал такой большой поток, то и качество обучения совсем иное, чем в отдельных группах. Например, высшую математику читал доцент Н. И. Плоткин. Мне до сих пор непонятно, как нам, буровикам, а не геофизикам, читал лекции такой классный специалист. Он приходил на лекцию без всяких тетрадей и бумажек и непрерывно рассказывал. Причём это была не сухая математика цифр, а связь с физическими явлениями или с космогоническими теориями Фридмана. Кроме нас, Н. И. Плоткина ежегодно приглашали в МГУ, где преподаватель читал несколько десятков часов какую-то узкоспецифическую математику. Через

три месяца таких интересных лекций я всерьёз увлёкся данным предметом, свободно, с ходу решал все задачи по проходимому курсу и не испытывал никаких затруднений. Наоборот, у меня появилась тяга к изучению других, смежных по курсу разделов. Если бы этот преподаватель читал курс и дальше, то где-нибудь на втором курсе я мог уйти в университет на механико-математический факультет. Но этого не произошло. Со второго семестра пришёл другой лектор, а позднее в Свердловске открыли институт инженеров железнодорожного транспорта, куда Н. И. Плоткин ушёл заведовать кафедрой.

Основы марксизма-ленинизма читал преподаватель Лихачёв. Как про него шёпотом говорили, что он якобы сослан из Москвы в Свердловск за "крамольные" по тем временам мысли и убеждения. Однако те мысли и высказывания на лекциях часто вызывали у студентов неподдельный интерес, т. к. расходились с постулатами и официальной пропагандой тех лет. После XX съезда партии Лихачёв возвратился в Москву.

Наша специальность называлась "Техника разведки", или сокращённо РТ. Было набрано 50 человек, позднее разбитых на две учебные группы. У геологов (РМ), для примера, было три группы. Конечно, уровень подготовки ребят в зависимости от специальности сильно отличался. Интеллект, школьная подготовка у геологов, это надо признать, был выше, чем у нас, буровиков. Потому что среди студентов-геологов большая часть – ребята из крупных городов: Свердловска, Перми, Челябинска, Нижнего Тагила. Это, как правило, дети родителей среднего класса тех лет – крупных инженеров, руководителей производств, партийных и советских чиновников. Специальность та в то время престижная, на вступительных экзаменах надо было набирать 26 баллов из 30. Выдержать такой конкурс могли только ребята из мест, где хорошо поставлено школьное образование – а это крупные города. Немало среди геологов и медалистов. Кроме этого, умные родители чётко соображали, что в каждой отрасли есть основные специальности, а есть вспомогательные, которые, условно говоря, обязаны обеспечивать успешную работу основным специальностям.

Кто в геологии главный? Естественно, инженер-геолог. А уже потом на вторых и третьих ролях буровики, механики, геодезисты.

Из этих постулатов и вытекает личный состав студентов-буровиков. Это были, в основном, выходцы из районных городков, а отдельные из сельской глубинки. Большинство из них приехали с самодельными деревянными чемоданчиками, которые закрывались на подвесные амбарные замки. Причём они были одними из самых крепких по успеваемости в своих школах. Проходной балл на нашу специальность – 23 из 30, и набрать их тоже было непросто. Многие хотели стать геологами, но, реально взвесив свои шансы, подавали документы хоть и на геологический факультет, но на буровиков.

Сейчас, когда с тех пор прошло много лет, понимаю, что геолог – это не только человек с рюкзаком и молотком. Даже в те далёкие годы можно было спокойно поступить на соседние геологические специальности – геология нефти, гидрогеология, геофизика. И конкурс на них ниже, чем на геологоразведочный факультет, но никто этого в своё время не разъяснил.

Ребята из сельской глубинки в такой крупный город попадали впервые, и многие вещи там были для них просто в диковинку. Например, один мой одноклассник из Тюменской области признался, что при сдаче вступительных экзаменов первые дни умывался из писсуаров, так как не знал об их истинном предназначении. Только позднее мне стала понятна надпись мелом на стене туалета: «Из писсуаров не пить!». Да и те студенты, кто приехал из небольших городков, тоже знали не намного больше выходцев из села. В те времена подавляющая часть жилого сектора имела удобства во дворе.

С началом учёбы пришлось решать проблему питания. Утром, если не просыпал, дома пил чай с каким-нибудь бутербродом. Если просыпал, то первую лекционную пару часов приходилось сидеть голодным, а на большом двадцатиминутном перерыве бежал в буфет и там брал, как правило, пять пирожков с повидлом по 43 коп. и два стакана кофе с молоком

по 10 коп. Таких, как я, голодных, на первом перерыве скапливалось у буфета достаточно много. Иногда не хватало времени нормально покушать за стойкой: кофе залпом выпивалось, а пирожки помаленьку приходилось доедать на следующей лекции. Обедали студенты на первом курсе в столовой института во втором учебном корпусе. Была распространена система абонементов. Покупаешь книжечку на месяц где-то рублей за сто. На один абонемент давали суп, второе и компот или чай. Абонементы на ужин были ещё дешевле. Первокурсникам платили стипендию – 390 руб. – можно как-то сносно питаться. Правда, была у этого момента и оборотная сторона.

Во-первых, в столовой создавались такие большие очереди, что мест за столиками не хватало, и иногда приходилось выжидать по 3-4 человека, прежде чем можно было сесть и покушать.

Во-вторых, еда была всё-таки малокалорийной – и через 2-3 часа уже снова хотелось кушать. Тем более, если занимаешься спортом, где присутствуют большие физические нагрузки. Первое время хлеб в столовой лежал на столах – и каждый мог его кушать столько, сколько хотел вместе с пищей. Однако находились ребята, у которых не было денег даже на абонементы. Такие студенты приходили, чтобы кушать этот хлеб с чаем. В столовой заметили такую тенденцию и решили перекрыть эту "благодетельность" – хлеб стали выдавать как приложение к еде.

Изредка, может, раз в неделю, ходили кушать в столовую совпартшколы, которая находилась рядом, или в кафе "Дома крестьянина" на ул. 8 Марта. Пища там готовилась всегда намного лучше и была калорийнее, но в совпартшколе слушатели выражали недовольство, что студенты-горняки создают большие очереди, и там нам начали чинить всяческие препятствия. Зато в "Доме крестьянина" никаких притеснений простому люду не наблюдалось – выстоишь очередь перед входом, если она есть, и спокойно садишься за стол и ждёшь официанта. Кстати, цены там были вполне божеские. Например, весной я брал салат из свежих помидор, окрошку, баранью отбивную на косточке – за всё 7-8 руб. После такого обеда организм насыщался. Ужинать долго не хотелось. Иногда питались в пельменной на ул. Малышева. Вообще, в те годы питаться можно было хорошо и недорого. Например, чей-то день рождения в 1955 г. мы, студенты, отмечали в ресторане "Большой Урал" вскладчину. Уплатили вчетвером за столик 200 руб., но съесть и выпить все, что принёс официант не смогли. Другой день рождения отмечали в ресторане "Восток". Траты были такими же. Там я впервые попробовал ликёр "Бенедиктин". С тех пор никогда его и не видел. Вообще, в магазинах продукты были – всякое множество сортов колбас, сыров, рыбы. Однажды в центральном гастрономе увидел каспийскую сельдь залом по 26 руб. за килограмм. После этого я её снова увидел только в 1999 г. Особенно богатый выбор был в гастрономе на ул. Вагнера. Потом это изобилие начало постепенно убавляться и исчезать. В 60-х гг. совсем сошло на нет.

Выбор спиртного был также обширен. Причём наряду с крепкими напитками типа водок и коньяков, наблюдался очень широкий ассортимент ликёров, настоек и виноградных вин. Обычные армянские трёхзвёздочные коньяки ереванского розлива стоили до 30 руб. бутылка, а марочные – до 100 руб.

По части употребления спиртных напитков студенты-горняки не сильно отличались от студентов других ВУЗов, хотя и водились любители этого зелья. Кто чрезмерно употреблял алкоголь, того, как правило, отчисляли ещё на первых курсах. Правда, некоторым удавалось сохраниться и до окончания института, если за ними не было каких-то тяжких проступков. У меня к крепким спиртным напиткам развилась стойкая неприязнь с юношеских лет. Я на вечеринках пил исключительно вино, никогда не пьянел и не терял контроля над собой. Многие удивлялись такому поведению, иногда интересовались: "Не больной ли я?", и, услышав от меня, что водка сильно горькая, про себя ухмылялись и радовались, что им же достанется

больше, и уже не задавали подобных вопросов (всерьёз надеясь, что я не передумаю). Такое неприятие крепкого спиртного удалось сохранить на всю жизнь.

Одевались студенты в те годы довольно просто. Практически каждый имел костюм и считал его и выходным, и рабочим. На лекции ходили чаще всего в так называемых лыжных костюмах – это недорогая одежда стоимостью до 120 руб. Носили такой спортивный костюм около года. Зимой многие ходили в валенках, но позднее перешли на ношение бот под названием "прощай, молодость!". Это были своего рода резиновые проложенные внутри тонким войлоком чуни с застёжками. Одевалась такая обувь прямо на туфли. Также в холодные месяцы носили так называемые "москвички" – укороченные тёплые пальто с воротником. Осеннее пальто мне купили впервые только на 4 курсе. Вообще, хотя я и приехал с Северного Урала и привык к холодам, но зима в Свердловске показалась достаточно суровой. Хотя сильных морозов и не было, дул резкий северный ветер, от которого сильно замерзали лоб и уши – их приходилось постоянно прикрывать. Вот это ощущение замерзающего лба почему-то навсегда мне врезалось в память от зимнего Свердловска.

Рис. 2: День рождения. Слева: Дарья Григорьевна и Магда Вадас

Мама сразу начала присылать ежемесячно по 350 руб. вдобавок к стипендии и постоянно говорила, чтобы я хорошо питался, и на питании не экономил. В сумме это выходило очень прилично, учитывая то, что я не пил, не курил и не покупал по-крупному одежду. Ребята в группе знали мой бюджет и частенько обращались за помощью в долг до стипендии. Некоторые ребята в группе учились только на стипендию, а один пришёл из детдома, но так и не доучился.

Многие студенты ходили на заработки на разные базы. В основном, подрабатывали грузчиками (это была разовая работ). Завбазами были ещё те "жучки" – и студентов просто надули при расчётах. Ходил и я весной на эти заработки. Сначала на базу в Шарташе. Пере-

катывали 50-литровые бочки с солёными огурцами на расстояние до 100 м и устанавливали их вручную штабелями в два ряда. Если перекатывать ёмкости несложно, то ставить бочонок на второй бочонок сверху одному человеку тяжело. Платили за эту работу всего 1 рубль за бочонок. Заработать можно было 30-40 руб. В другой раз я и двое студентов пошли на хлебомакаронный комбинат разгружать поваренную соль. Разгрузили 20 тонн. Пришёл какой-то "маленький начальник" и велел перегрузить соль на 40 м в сторону. Работали всю ночь, перегрузили, но лыжный костюм, в котором работал, был "съеден" солью и его пришлось выкинуть. Правда, заплатил тот начальник на троих аж целых 120 руб., но при этом кричал, что пошёл нам навстречу и не вычел из этих денег налог.

Дядя Федя и его постояльцы

Наша группа имела шифр РТ-54-1, а другая, соответственно, 2. Обнаружилось, что в нашей группе оказалось три студента из Североуральска. Кроме меня, Вадим Проняев и Витя Миронов. Вадим выделялся среди группы своей эрудицией и начитанностью. Он с родителями объездил многие золотые прииски Сибири и видел в жизни значительно больше нас. Это ребята заметили и избрали его комсомольским секретарём нашего курса. Во время вступительных экзаменов я с Мироновым Витей не пересекался, комнату он снимал в другом месте, а познакомился в колхозе на уборочной. Это был скромный паренёк, хотя и сын секретаря парткома треста "Бокситстрой", жил в семье отца с мачехой.

В сентябре на первом курсе Витя Миронов заглянул ко мне на съёмное жильё и пригласил в гости. Оказалось, что живёт он рядом по Сурикова 12. Пошли к нему. Это был маленький деревянный домик с покосившимся забором. Окна, выходящие на улицу, были закрыты крытыми ставнями. Зашли во двор. Там был небольшой огород с грядками и видны были лунки из-под убранный картофеля. Там же стоял сарай, покрытый листьями какого-то железа со следами пожара, а рядом с ним стояла прямоугольная куча какого-то хлама, тоже накрытая листьями такого же вида. Домик изнутри также представлял из себя убогое зрелище – в центре его стояла большая русская печь, слева располагалась отгороженная фанерой каморка Вити площадью около 3 метров квадратных с окном в огород. Там стояла его кровать, узенький столик и пара полок на стене. Напротив его закуска дверь вела в небольшую горницу с двумя кроватями и столом между ними – там снимали жильё две девушки – Аня и Валя, приехавшие из голодной Кировской области на работу в Свердловск. Были они сёстрами, но видимо сводными, т.к. не очень походили друг на друга.

Хозяином же этого домика был, как его все называли, дядя Федя. Когда он "выходил" из узкого запечного пространства, я с ним подолгу разговаривал на разные темы. Поговорить хозяин любил и, надо сказать, знал немало интересного. Во мне дядя Федя быстро признал благодарного слушателя, и, когда была возможность, мы подолгу разговаривали. Видимо, квартиранты не очень баловали хозяина вниманием. Дядя Федя оказался человеком необычной судьбы и биографии. Я вначале как-то даже не очень верил его рассказам, но однажды он, уловив этот момент, достал откуда-то пачку старых бумаг. Там было написано, что хозяин – активный участник гражданской войны – контрразведчик.

С армией В. В. Блюхера в 1918 г. дядя Федя проделал знаменитый рейд из-под Тюмени на Урал по тылам Колчака. Одна из бумаг осталась у меня в памяти до сих пор. Это был выданный дяде Феде рукописный мандат, подписанный заместителем командарма. Из всех пунктов, "что он имел право", в памяти сохранились три:

- занимать отдельное купе в любых поездах;
- провозить с собой любые виды оружия;
- контрреволюционеров расстреливать на месте.

Кроме этого, всем органам местной власти предписывалось оказывать дяде Феде помощь и содействие в его делах.

Рис. 3: Дядя Федя (Луговых Фёдор Васильевич)

В результате участия в событиях тех лет у хозяина в голове, видимо, произошёл какой-то "сдвиг по фазе" – и от ловли шпионов он тихо перешёл к ловле земляных кротов и собиранию всякого хлама по всему городу. Как только я приходил в дом к дяде Феде, то разговор со мной начинался всегда одинаково: "Знаешь, Саша, вот мне тут дома осталось немного доделать кое-что, и я сразу уезжаю под д. Сарапулка. Там у меня в деревне знакомые, лежат мои ловушки, и я начинаю ловить крота!" Это "немного доделать" означало, что ещё куда-нибудь сходит и принесёт во двор ещё хлама. За пять лет нашего общения дядя Федя только два раза уезжал в деревню. Зато горы мусора полностью закрыли сначала все грядки, потом огород, и, в конце концов, через шесть лет остался только узкий проход-тоннель к входным дверям дома – всё остальное было заставлено всякой рухлядью, правда, уложенной в аккуратные прямоугольные кучи высотой около двух метров. Дядя Федя иногда говорил, что у него под хламом очень ценные антикварные вещи. Иногда хозяин собирался что-то куда-то сдать, но всё это не более чем намерения. Один раз показал осколок какого-то импортного ружья, видимо, подобранный на помойке.

Рис. 4: Двор дяди Феди

Дядя Федя никогда не ходил в баню. На лысенькой голове его хорошо просматривались «земляные» грядки, из которых по краям выходила скудная волосая растительность. Хозяин не был женат и не имел детей. Летом и зимой носил одну и ту же одежду – что-то вроде мехового жилета. За печкой дяди Феди было пространство примерно, как у Вити, – 3 м². Стоял топчан, на котором послали кошму, накрытую сверху брезентом. Спал хозяин на нем, не раздеваясь.

При всем при этом он был добрейшим человеком, никогда никого не ругал, хотя иногда и надо было бы, и никогда не вмешивался ни в какие дела постояльцев.

В 1967 г. все готовились к 50-летию революции, тогда это был большой праздник. Накануне в газете "Уральский рабочий" появились списки награждённых, непосредственно причастных к событиям тех лет. Я сразу вспомнил про дядю Федю, просмотрел списки и нашёл в числе награждённых за те события медалью Лугового Фёдора Васильевича. В это же время я приехал в командировку в Свердловск и вечером пошёл к нему – калитка в воротах, ставни и дом были закрыты. Постояльцев к тому времени хозяин давно не держал – и они ушли на другие квартиры. Соседи сказали, что неделю назад дядя Федя тяжело заболел, и его увезли на лечение, причём не в простую больницу, а в закрытую, для партийной и руководящей элиты. Видимо, он был на учёте в обкоме партии как старый революционер. Узнал, что к нему приехал какой-то дальний родственник. Однако из больницы дядя Федя так уже и не вышел. Я не исключаю, что он мог быть и участником бригады по уничтожению царской семьи, но об этом из его уст никогда не слышал. Наверное, он молчал об этом, как и все другие участники расстрела. Всё-таки на учёт в обком партии не ставили рядовых контрразведчиков даже из армии В. В. Блюхера. Воспоминания не преследуют цели осудить образ жизни дяди Феди или посмеяться над ним – это маленький факт из жизни тех лет. Признаю право каждого человека строить судьбу и жизнь так, как этого он желает сам, без навязывания "сверху" или "сбоку", естественно, если личность не вступает в конфликт с законами и общественной моралью госу-

дарства. И не уважаю людей, которые других "меряют только на свой аршин", считают только свой образ жизни "правильным", а других осуждают. И таких людей немало.

Фотоаппарат "Зоркий"

С Витей у меня вдруг обнаружились общие интересы и пристрастия, совсем не связанные с будущей профессией. Он имел фотоаппарат "Зоркий" и увлечённо занимался фотографией, любил джаз и прочую лёгкую музыку. Имел все принадлежности для изготовления фото. Весь закуток Витя заставил этими и другими, не связанными с учебным процессом, причинами. Мне у них в доме было интересно, и я часто ходил туда.

Через два месяца подумал: "А почему бы и мне не купить фотоаппарат?" Деньги у меня водились, т. к. истратить на еду в студенческой столовой по дешёвым абонеентам весь мой бюджет было невозможно. Задумано – сделано. В выходной день я и Витя пошли в "Пассаж" и присмотрели "Зоркий" – хороший узкоплёночный аппарат по цене 700 руб., деньги, в общем-то, немалые. Поехал в общежитие и положил в карман деньги. На еду осталось 50 рублей. Подошёл к кассе, протянул кассирше пачку пятидесятирублёвок и попросил отбить цену фотоаппарата – 700 руб. Кассир пересчитала и сказала, что в пачке 750, а я ответил, что там ровно 700. Она спорить не стала, забрала деньги и выдала чек. Я радостный вернулся домой. На другой день пошёл в буфет института завтракать, а бумажки в 50 руб. в кармане не нашёл. Кассирша всё-таки забрала лишние 50 руб. Позднее я приобрёл к "Зениту" все фотопринадлежности – увеличитель, химреактивы, ванночки и т. д. С приобретением фотоаппарата начался новый этап жизни – все события я старался снимать на плёнку, таковых за два года набралось несколько десятков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.